

УДК 343.2/.7

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>

КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ

А. С. Коробова

Нижегородская академия МВД России

THE CATEGORY OF «PUBLIC ORDER» IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF EARLY FEUDAL RUS'

A. S. Korobova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: представлены результаты исследования категории общественного порядка в раннефеодальном уголовном законодательстве с апеллированием к иным памятникам древнерусской письменности, в которых раскрыта содержательная сторона порядка в обществе того периода. Обосновывается вывод о влиянии христианско-нравственной морали на правила жития в сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения, определяя отношения между сословиями и в сфере государственного управления в целях формирования нравственных отношений между членами общества.

Ключевые слова: Древняя Русь, «Русская правда», княжеские уставы, общественный порядок, христианство, правовые памятники, раннефеодальное общество.

Abstract: the article presents the results of the study of the category of public order in the early feudal domestic criminal legislation with an appeal to other monuments of ancient Russian literature, which present the substantive side of the order in the society of that period. A conclusion is made about the influence of Christian moral ethics on the rules of life in the spheres of public life, including marriage and family relations, determining the relations between classes and in the sphere of public administration in order to form moral relations between members of society.

Key words: Ancient Rus', «Russian Truth», princely statutes, public order, Christianity, legal monument, early feudal society.

На различных этапах становления российской государственности в числе основополагающих задач стояла проблема обеспечения общественного порядка. Это обстоятельство отразилось в памятниках права X–XII вв., в которых особое место занимал общественный порядок. По меткому замечанию А. А. Селифонова, «отсутствие самого понятия «общественный порядок» в словарном обиходе Древней Руси не значило, однако, отсутствия целенаправленной деятельности в отношении общества со стороны государства»¹. Установление общественного порядка

непосредственно связано с образованием государства и общества в Древней Руси. Рассмотрим вопрос подробнее.

В «Повести временных лет» летописца монаха Киево-Печерской лавры Нестора указано, что со времен царствования Михаила Русская земля приобретает свое название, однако порядка еще не существовало. Междуусобные войны тормозили формирование государственности, однако проживавший на данной территории народ стремился к упорядочению отношений и построению государства: «(862) Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе:

¹ Селифонов А. А. Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011. С. 10.

© Коробова А. С., 2025

“Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”...»².

Древнерусская государственность формировалась из внутренних обстоятельств (образование социальной неоднородности, института частной собственности, необходимость подавлять межплеменные раздоры, осуществлять военно-организаторские функции и пр.), которые играли основополагающую роль, и внешней политики, выражавшейся в завоеваниях, призывах, договорах, о чём свидетельствуют договоры Древней Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 гг. Они служат источником не только международного права, но и права в Древнерусском государстве, которое к этому времени уже обладало первичными признаками государственности, такими как: единая территория, государственный язык, аппарат власти, устойчивая военная и финансовая организация.

Одними из первых правовых памятников отечественного уголовного законодательства являются «Русская Правда» и *княжеские уставы*. В их основе лежат нормы «обычного права». Значительное влияние на содержание первых законодательных актов оказали религиозные нормы, поскольку принятие христианства произвело переворот во многих сферах жизни древнерусского человека, определив необходимость регламентации новых общественных отношений с учетом христианской нормативно-этической системы, встраивавшейся в ранее существовавшую раннефеодальную идеологию.

Появление новых правил, еще не имевших применения в древнерусском обществе, требовало со стороны княжеской власти законодательного закрепления, что и обусловило рецепцию византийских источников (*Свод Юстиниана*, Судебник царя Константина или «Закон судного людем»³ и др.) в древнерусских памятниках права. Однако заметим, что заимствования приспособлены к древнерусским обычаям и менталитету народа, носили адаптационный характер.

Таким образом, самобытный правотворческий процесс представлял собой симбиоз, вы-

текающий из правового обычая и религиозных норм византийского генезиса, адаптированных к древнерусскому сознанию.

Рассмотрим зарождение категории общественного порядка в памятниках права Древней Руси, применяя расширенное толкование. Под общественным порядком понимается система отношений между людьми, правила поведения, общежития, устои, закрепленные в правовых памятниках в период формирования Древнерусского государства и общества.

Поскольку с принятием христианства религия являлась фундаментальным элементом в построении общественных отношений, в ходе исследования категории общественного порядка обратимся к летописным памятникам древнерусской письменности, а также регламентирующему деятельность церковной системы, во многом отражающим сущность общественного порядка.

А. В. Точка в диссертационном исследовании указал, что «крещение Руси создало основу для формирования нового общества, основанного не на родоплеменных взаимосвязях индивида, а на его принадлежности к более широкой общности людей – народности». Он констатировал, «что для российской государственности вера, письменность и общественный порядок – понятия неотделимые одно от другого»⁴.

Согласно Словарю древнерусского языка современному слову «порядок» эквивалентно древнерусское «ПОРАДЬ», которое мы находим в памятниках древнерусской письменности.

Так, в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г.⁵ в ходе описания летописного 1096 г. используется термин «ПОРАДЬ». Под ним понимается договор, соглашение: «поиду Кыневу да порадъ положимъ ГРусьстъи земли», «а то е(с) волость СЭця моего. да хочу ту спъда порадъ створити со СЭцъмъ твои(м)».

Со временем древнерусское «ПОРАДЬ» приобретает новое значение. Так, в Летописи Новгородской (первой) по Синодальному спи-

² Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; comment. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012. С. 507.

³ См.: Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М. : Академия наук СССР, 1961. 179 с.

⁴ Точка А. В. Преступления против общественного порядка : криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 16.

⁵ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 7. С. 236.

ску в ходе повествования о летописном 1166 г.⁶ древнерусское «ПОРАДЬ» применяется в значении *переговоры*: «*приде Ростиславъ, ис кынєва на лоуки. и позва новгородьце на порадъ*».

Аналогичный смысл содержится в слове «ПОРАДЬ» и в Лаврентьевской летописи⁷ при описании 1217 летописного года: «*снемши(м)сл имъ всъ(м) на Исадъ(х) на порадъ. ИзАславъ. Кюрз Михаилъ. Ростиславъ. Отославъ. Гльбъ. Романъ. Инъгваръ же не оуспъ припъхати к ни(м) не бъ бо приспъло еще врема юго*» (перевод: «Когда собрались они все на Исадах на съезд для переговоров, Изяслав, Кюр Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингвар же не успел приехать к ним, ибо не приспело еще время его»).

В значении *порядок, устройства по порядку* слово «ПОРАДЬ» встречается в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г. в повествовании о летописном 1180 г.: «...и порадъ створицъ всей братыи, раздавъ имъ волость ихъ. комуждо по старшинству. возвратися в Володимеръ» (перевод: «...и порядок установив во всей братии, раздав им волости их каждому по старшинству, возвратился во Владимир»)⁸.

В свою очередь, слово «общественный» отсутствует в памятниках древнерусской письменности, поскольку понятие «общество» еще не сформировано: древнерусский народ начинает выстраивать связи, отношения между собой, социальными группами внутри оформившегося конгломерата, уже обладавшего признаками государственности.

Однако в древнерусских памятниках слово «общество» коррелирует с древнерусским «ЛЮДИЮ», под которым, например, согласно

Житию Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII в.⁹ понимаются жители какого-либо места; население страны, княжества, города: «*тъгда же великии никонъ оумърио ростиславоу кназю острова того оумоленъ бысть отъ людии тъхъ, преити къ стославоу кназю и молити и да пустить къ нимъ сна своєго. да сюдетъ на столъ томъ*» (перевод: «Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол»).

При этом древнерусское «ЛЮДСКИЙ», образованное от «ЛЮДИЮ», в Пандектах Никона Черногорца 1296 г.¹⁰ используется в значении *общественный, публичный*: «*людьскоie же мъсто повельниiемъ ц(с)рвомъ не бывають сцно*».

Следует отметить, что в Уставе студийском, относящемся к концу XII – началу XIII века и регламентирующем монастырское общежитие и церковную службу, *порядок, благоустройство* именуется как «БЛАГОЧИНЕНИИЮ»: «*Подобаютъ же прочею намъ, въ соущею очинение нъкъихъ инъхъ главъ поманоути. Къ цр(к)вноуому и къ тъмъ невидимымъ. блгочинению же и оустроюнию*¹¹».

В соответствии с Кормчей Ефремовской XII в. под БЛАГОЧИНЕНИЮ понимается *соблюдение правил, выдержка, послушание*: «*Самопрѣтыкателю ... чистыня чътоутъ каноны, тъмъ же вънъмлюща еп(с)пы. и застоупающемъ С(т)дою||ще. Сами паче строгать дѣльть. Вътъхъ блгочиниению паче чътоутъ*¹²». Также в Кормчей употребляется существительное «БЛАГОЧИНИЕ» в значении «установлен-

⁶ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 48 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 32.

⁷ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. Ф.п.IV.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150об.

⁸ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец - монах Лаврентий. Ф.п.IV.2 Ф. 550 - Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 131об.

⁹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – моление). С. 482 ; Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с. ; Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

¹⁰ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – моление). С. 484 ; Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черно-горец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1°(21,0 x 30,6) см.

¹¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1: (а – възаконАтисА). С. 215.

¹² Там же. С. 215–216.

ный порядок, правила»: «*къ симъ же и о блгочни и црквѣ. гавлїна правила повелѣхомъ; мнози црквною блгочини є съмоуштати и развратити хотлиште*»¹³.

В соответствии с Уставом студийским церковным и монастырским конца XII в. или начала XIII в. от древнерусского «БЛАГОЧИНИИ» образованы производные: во-первых, древнерусское существительное «БЛАГОЧИЛЬСТВО», под которым понимается *следование установленным правилам, послушание*: «*толико опаснїе, блгочиньства же и добропокоренїя. юже величестви ѿмъ моучени боудоутъ непокорящеса*»¹⁴; во-вторых, «БЛАГОЧИЛЬСТИВІІС» в значении «*следование установленному порядку, правилам*»: «*О прѣбываніи блгобоязнивыхъ мѣнхъ слово, и о въслѣдѣ обльданіи блгочиньстиви. и о инъхъ юлико въ подобоу бѣ прѣдати. таковою коупленіи сътворяюще*»¹⁵.

Исследование юридического термина «благочиние» проведено Ю. В. Сидоркиным, изучавшим полицейский надзор за благочинием в Российской империи, охватывая хронологические рамки с момента возникновения регулярной полиции в Российском государстве. Он связан с утверждением 25 мая 1718 г. Петром I «Пунктов» и длился до революции и упразднения Департамента полиции Министерства внутренних дел постановлением Временного правительства «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции» от 10 марта 1917 г.¹⁶ Он отмечал, что «термин “благочиние” употреблялся в XVI – первой половине XVII в. преимущественно в обиходе русской православной церкви и обозначал строгий порядок, соблюдение строгого порядка, благопристойное поведение»¹⁷.

Вместе с тем в древнерусских памятниках термин «благочиние» используется в церковном обиходе гораздо раньше, начиная с XII в. Это, в свою очередь, свидетельствует о существова-

нии уже в то время определенных правил поведения, которым древнерусский человек должен был следовать, за несоблюдение которых подразумевалось наказание.

Поскольку религия для древнерусского общества имела фундаментальное значение, каноны и тексты церковно-юридического характера, закрепленные в церковных памятниках, содержали обязательные для православных христиан правила. Они регламентировали общественные отношения в сфере государственного управления, а также дела, касающиеся церкви, и нашли свое отражение в правовых нормах в результате законодательной деятельности органов власти. Кроме того, данные обстоятельства подтверждают потребность развивающегося феодального государства в установлении правопорядка в обществе того времени.

Разумеется, мы не найдем в древних памятниках составы преступлений против общественного порядка, закрепленные в современном Уголовном кодексе РФ. Однако именно в них содержатся истоки признаков преступлений против общественного порядка. Так, И. В. Рехтина замечает: признаки современного хулиганства можно увидеть уже со времен Русской Правды¹⁸.

Учитывая, что Русская Правда является первым писанным законодательным актом Древней Руси, рассмотрим подробнее *Краткую и Пространную редакцию Русской Правды*, а также *Уставы Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого*. Указанные документы позволяют определить совокупность общественных интересов, устоев, правил поведения, за нарушения которых предусматривалось наказание.

В ст. 24 Устава князя Ярослава Владимиоровича регламентировано обязательное правило ношения бороды: «*Аже пострижетъ голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнить*»¹⁹. В этой норме отражен обычай ношения бороды мужским населением, выступая символом мужественности. С принятием крещения борода приобрела религиозное значение, в связи с чем обязательное ее ношение нашло отражение в памятниках древнерусского права.

¹³ Там же. Т. 1: (а – възаконАтисА). С. 215.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ См.: Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

¹⁷ Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 41.

¹⁸ См.: Рехтина И. В. Предпосылки принципа правовой определенности (res judicata) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

¹⁹ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздан, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. С. 261.

Поэтому действия, направленные на лишение человека бороды, совершенные публично, считались унижающими человеческое достоинство, оскорблением религиозных чувств верующих, выражавшими явное неуважение к обществу и потерпевшему.

В соответствии со ст. 67 Пространной редакции Русской правды за совершение данного деяния предусмотрен штраф в размере 12 гривен: «*А кто порветь бороду, а въньметь знамение, а вылезутъ людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклете, то нету продаже*» (перевод: «*А (если) кто вырвет (у кого) клок бороды и останется знак (от этого), к тому же будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа; если свидетелей не будет, а (будет) только (одна) жалоба, то князю штрафа не платить*»²⁰).

В Смоленском соглашении с Ригою 1230–1270 гг. также содержится норма, охраняющая данное правило, однако наказание было основано на социальной дифференциации. В соответствии со ст. 19 Соглашения 3 гривны серебра (12 гривен кун) полагались за повреждение бороды рядового смольянинна; за бороду боярина платилось 5 гривен серебра²¹.

Помимо этого, Пространная редакция Русской Правды предусматривала за отсеченный палец штраф в четыре раза меньше, чем за вырванный ус или бороду. Покушение на честь и достоинство, а также религиозные чувства верующего человека каралось намного строже, чем за небольшоеувечье.

Фиксация в Русской Правде наказания за действия, выражавшие неуважение к личности и обществу, сопряженные с применением насилия, подтверждает идею стремления построения системы отношений в древнерусском обществе на принципах уважения, патриархальности, христианских морально-нравственных норм, формируя тем самым правила взаимодействия в обществе в целях обеспечения общественного спокойствия и безопасности.

В Древней Руси формируется порядок нравственного жития в семейно-брачных отношениях между мужчиной и женщиной, родственниками, детьми и родителями, поддерживая тем самым патриархальные устои и утверждая половую мораль. В свою очередь, данный процесс отражен в Восточно-Русской редакции Устава кня-

зя Ярослава Владимира, отнесшего дела о нарушении нравственности к компетенции церковного суда. Во введении к Уставу указано: «..не подобает сих тяжь судити князю и бояром. Дал есь митрополитом и епископом те суды, что писаны в правилах, в номоканоне, по всем городом и по всей области, где крестьянство есть»²².

За несоблюдение установленных правил взаимоотношений в сфере семейно-брачных отношений и половой морали указанным нормативным актом предусмотрены штрафы. Так, в ст. 14 Устава предусмотрено наказание за прекращение мужем семейных отношений: «*Аже мужъ с женою по своей воли роспуститься, епископу 12 гривен; а будет не венчалныи, епископу 6 гривен*». Статьи 17–18 охраняют чистоту семейных отношений, выстраивая отношения между членами семьи на принципе правил нравственности. В частности, ст. 17 Устава гласит: «*Аже свекор [с] снохою блудить, епископу 100 гривен, а опите́мъя по закону*»; ст. 18: «*Аже кто с двема сестрома падется, епископу 30 гривен*»²³.

В процессе становления русского государства выстраивалась система отношений в обществе, устанавливались правила поведения. Они основывались на принципах уважения, нравственности, морали, в соответствии с христианскими нормами, направленными на обеспечение телесной и духовной защиты древнерусского человека от посягательств.

Кроме того, на законодательном уровне охранялась и христианская символика. Во Второй редакции Устава князя Владимира Мономаха 1113 г. в ст. 3 в числе противоправных деяний, отнесенных к компетенции церковного суда, содержится сруб креста, стоящего на дороге, возвышении или на кладбище, и осквернение стен зданий (мы бы сказали – вандализм). По смыслу ст. 3 осквернение стен выражается в нанесении надписей или изображений острым предметом: «...*крест посекут или на стенах режут...*»²⁴. На законодательном уровне прослеживается защита христианской идеологии в борьбе с идолопоклонством, языческим укладом жизни. Таким образом, княжеская власть стала осуществлять контроль за соблюдением норм общежития²⁵. Подобное деяние совершено по мотивам рели-

²² Там же. С. 259.

²³ Там же. С. 260.

²⁴ Там же. С. 241.

²⁵ См.: Горский А. А. Ру́сь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 126–127.

²⁰ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. С. 115.

²¹ См.: Там же. С. 89.

гиозной ненависти, с целью оскорбления чувств верующих и общественной нравственности.

Положения «Устава» охраняют тело человека и после смерти, запрещая «мертвеци сволочь», т. е. разытие могилы из корыстных побуждений в целях снятия одежды и драгоценностей с умершего. Тем самым не допускалось совершение грехом виновного лица.

Таким образом, становление древнерусского государства предопределило появление правовых актов, соответствующих формирующемуся общественному порядку.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Первоначально правила жития жителя Руси закреплялись в церковных памятниках, содержащих каноны и тексты церковно-юридического характера. Часто они заимствовались из византийских источников, приспособленных к древнерусской действительности и правосознанию населения.

2. Отнесение преступлений к компетенции церковного суда способствовало внедрению христианских религиозно-правовых идей в общественное правосознание²⁶. Оно отражалось в порядке общества раннефеодального периода Руси, регламентировалось законодательно и наказывалось чаще всего штрафом.

3. Памятники права закрепляли основополагающие правила поведения населения не только в церковных делах, но и в иных сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения. Нормы определяли взаимоотношения сословий и в сфере государственного управления в целях формирования уважительных отношений между членами общества. Их целевое назначение состояло в обеспечении общественного спокойствия и нормальной жизнедеятельности государства.

Библиографический список

Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с.

Горский А. А. Русь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М. : Академия наук СССР, 1961. 179 с.

²⁶ См.: Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

Лаврентьевская летопись 1377 г. Ниж. Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. Ф.п.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150 об.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. 565 с.

Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздан, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. 287 с.

Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черногорец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1°(21,0 × 30,6) см.

Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; comment. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012.

Рехтина И. В. Предпосылки принципа правовой определенности (*res judicata*) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

Селифонов А. А. Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011.

Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 40–46.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т./АН СССР ; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1: (а – възаконАтисА). 526 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т./АН СССР ; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4: (изживати – моление). 559 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т./АН СССР ; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 7. 505 с.

Точка А. В. Преступления против общественно-го порядка : криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание : дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 210 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

References

- Library of Literature of Ancient Rus / RAS ; In-t rus. lit. (Pushkin House) ; ed. by D. S. Likhachev et al. St. Petersburg : Nauka, 1997. V. 1: XI–XII century. 542 p.
- Gorsky A. A. Rus. From the Slavic settlement to the Muscovite kingdom. Moscow, 2004. P. 126–127.
- Laurentian Chronicle of 1377 Nizhny Novgorod. Main scribe – monk Laurentiy. F.п. IV.2 F. 550 – Main collection of the manuscript book, inv. 219. L. 150 rev.
- Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions / ed. and with preface by A. N. Nasonov ; ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M. N. Tikhomirov. Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Sciences, 1950. 565 p.
- Monuments of Russian law. Part 1: Monuments of the law of the Kievan state of the 10th–12th centuries / ed. by S. V. Yushkov ; compiled by A. A. Zimin. Moscow : Gosyurizdat, 1952. 287 p.
- Pandects of Nikon the Chernogorsk manuscript / Nikon the Chernogorsk. [B.m.], 16th century. I+490 [of which 1 clean] p.: 1° (21.0 × 30.6) cm.
- The Tale of Bygone Years / transl. by D. S. Likhachev, O. V. Tvorogov ; commentary by A. G. Bobrova, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A. M. Vvedensky and L. V. Voitovich ; 129 ill. Myuda Mecheva. St. Petersburg : Vita Nova, 2012. 507 p.
- Rekhtina I. V. Prerequisites for the principle of legal certainty (res judicata) in the sources of law of Ancient Rus' in the 10th–16th centuries // History of state and law. 2014. No. 15. P. 16–21.
- Savchenko D. A. Legal system of Ancient Rus' of the 11th–12th centuries // Development of territories. 2015. No. 3. P. 77–82.
- Selifonov A. A. Public order : research experience. St. Petersburg, 2011. P. 10.
- Sidorkin Yu. V. Police supervision of decency in the Russian Empire : historical and legal research : cand. legal sci. dis. abstr. Nizhny Novgorod, 2020. 34 p.
- Sidorkin Yu. V. The emergence and development of the concept of «decency» in the law enforcement sphere of the Russian Empire // Issues of Russian and International Law. 2017. Vol. 7. No. 4A. P. 40–46.
- Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Russian language, 1988. Vol. 1. 526 p.
- Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 4. 559 p.
- Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 7. 505 p.
- Tochka A. V. Crimes against public order : criminalization, systematization, criminal-legal content : cand. legal sci. dis. Krasnodar, 2014. 210 p.
- Assumption collection of the 12th–13th centuries / ed. prepared by O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon ; ed. by S. I. Kotkov ; USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language. Moscow : Nauka, 1971. 754 p.

Нижегородская академия МВД России
Коробова А. С., редактор редакционно-издательского отдела, соискатель
E-mail: korobova07@list.ru

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Для цитирования:

Коробова А. С. Категория «общественный порядок» в уголовном законодательстве раннефеодальной Руси // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Korobova A. S., editor of the editorial and publishing department, applicant for an academic degree
E-mail: korobova07@list.ru

Received: 04.04.2025

For citation:

Korobova A. S. The category of «public order» in the criminal legislation of early feudal Rus'// Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230>